ИНТЕРВЬЮ 28.08.2017

«Победить в этой войне военными средствами невозможно»

Мирко Гюнтер о новой стратегии администрации США в Афганистане

Во время избирательной кампании Дональд Трамп еще хотел отвода войск США из Афганистана. Ныне мы становимся свидетелями драматического перелома. Как вы оцениваете новую стратегию правительства США в Афганистане?

Прежде всего хорошо то, что США подтвердили свою неизменную заинтересованность Афганистаном. Судя по высказываниям Дональда Трампа в предвыборной гонке, вполне можно было бы себе представить также иные сценарии. Тема Афганистана всегда была одной из наиболее сложных с внутриполитической точки зрения для каждого президента США, в том числе и несколько ранее для Буша и Обамы. Все-таки Афганистан стал местом самой длительной военной операции в истории США. Быстрых ответов и простых концепций здесь больше нет.

Однако ответ Трампа на этот вызов оказался довольно однобоким. И к тому же неверным. Сосредоточение лишь на военных средствах – или, как он выразился сам, «мы не занимаемся государственным строительством, мы уничтожаем террористов» – назвать рецептом успеха нельзя. Напротив, оно, скорее, может способствовать дальнейшей эскалации конфликта. Безусловно, нужно противодействовать террористическим группам в Афганистане, в том числе военными и полицейскими силами. Но прежде всего террор преодолевается сильными государственными институтами, дееспособным правительством, органами безопасности, не подверженными коррупции, и независимыми судами. Короче говоря, плану Трампа не хватает политических, общественных и экономических подходов.

Все-таки Афганистан стал местом самой

Его заявления означают усиленную концентрацию американцев на военной операции, то есть уменьшение контроля из

длительной военной операции в истории США. Быстрых ответов и простых концепций здесь больше не существует.

Вашингтона, меньше прозрачности, больше авиаударов, а тем самым, наверное, и больше жертв среди гражданского населения. Это вызывает досаду у европейских партнеров, которые в первую очередь делают ставку на мандат по подготовке и консультированию в рамках нынешней миссии НАТО «Решительная поддержка» и сетуют на недостаточную координацию между США и Европой.

К тому же то, что президент США призывает Индию к более активному участию и одновременно подвергает явной критике Пакистан, кажется мне с точки зрения региональной динамики и на фоне и без того уже достаточно сложных отношений между двумя государствами малоэффективным вне зависимости от того, как относиться к сути оценочных суждений Трампа.

Как относятся люди в Афганистане к этим заявлениям? Какова реакция партнеров, с которыми Вы работаете в Афганистане?

Здесь, что неудивительно, существует очень разнообразный спектр мнений. Президент Афганистана Гани и премьер-министр Абдулла приветствуют высказывания Трампа. Бывший руководитель спецслужбы и государственный министр по реформам в сфере безопасности Амрулла Салех также с одобрением воспринял высказанные президентом США соображения. Другие, например, бывший президент Хамид Карзай, подвергли их острой критике. В целом у афганцев, с которыми мне довелось говорить, в качестве их первой реакции преобладает чувство облегчения от того, что дело все же не дошло до еще недавно анонсированного Трампом отвода войск. В то же время много партнеров из среды гражданского общества и активистов-правозащитников обеспокоены тем, что новая стратегия, которая совсем не является такой уж новой, может означать эскалацию и еще меньшую подотчетность за свои действия.

Германия и международное сообщество в течение 16 лет активно занимаются Афганистаном. Ситуация с безопасностью плохая, экономика рухнула, а правительство перессорилось. Неужели все напрасно?

Германия принадлежит к крупнейшим странам-донорам в Афганистане. Несомненно, можно видеть признаки улучшения, в частности в сферах образования, обучения грамоте,

здравоохранения или борьбы с бедностью. В Афганистане, по крайней мере, в больших городах, возникло активное гражданское общество и сеть средств массовой информации.

Но в дискуссии по Афганистану мы должны быть честными. Явное ухудшение ситуации с безопасностью во многих провинциях на севере страны и многочисленные террористические акты в столице Кабуле отчетливо свидетельствуют, что даже те территории, которые мы ошибочно считали безопасными, сегодня таковыми больше не являются. Многие успехи не удалось закрепить, достижения остались хрупкими. А потому в нынешней ситуации успехом можно было бы считать само по себе отсутствие ухудшения положения.

Вне всякого сомнения, можно видеть признаки улучшения, в частности в сферах образования, обучения грамоте, здравоохранения или борьбы с бедностью

В то же время я придерживаюсь мнения, что употребляя такие понятия, как «успех» или «неудача», мы остаемся в плену мышления в черно-белых категориях. Необходимо четко представлять себе, с какими целями Германия тогда пришла в Афганистан. Какие причины сыграли тут свою роль с точки зрения, например, солидарности с союзниками по НАТО? Какие цели на самом деле были связаны с Афганистаном?

Спустя 16 лет нам, с моей точки зрения, нужно одно: глубокий и независимый анализ, а также общественная дискуссия по всему диапазону нашего участия в военном, полицейском и гражданском аспекте. Единственной страной – членом НАТО, предпринявшей такую «инвентаризацию», стала Норвегия. Возможно, это пример и для нас?

Вот уже 40 лет в Афганистане продолжаются конфликты и военные столкновения. Может ли вообще когда-нибудь закончиться эта война и можно ли себе представить решение этого вопроса?

Победить в этой войне военными средствами невозможно. Вероятно, для всех сторон. Решение может быть только политическим. И это будет болезненный процесс. Пример: в прошлом году правительство Афганистана подписало мирный договор с бывшим полевым командиром Гульбеддином Хекматияром, которого в народе называют «кабульским мясником». И хотя эта сделка в военном отношении особенно ничего не решала, ее символическое значение было довольно большим. Разрешение на возвращение Хекматияра в страну, несмотря на ракетные обстрелы Кабула в 1990-е годы по его

приказу, а также удаление его Советом Безопасности ООН в феврале 2017 года из списка лиц, подпадающих под санкции, стали для многих афганцев тяжелым ударом. Это проявилось прежде всего при инсценировке его возвращения в Кабул в мае.

Ведь Трамп еще и дал понять, что волей-неволей когда-нибудь придется снова вступить в переговоры с Талибаном. И горький компромисс в таком случае наверняка вначале будет заключаться в необходимости переговоров даже с военными преступниками. Ибо этот конфликт может быть решен только за столом переговоров и при условии ответственности за них и руководства ими самих афганцев, а также привлечения региональных сил влияния за пределами Южной Азии, например, Китая, России или Ирана.

Стабильность не равна миру. А мирное соглашение, к сожалению, не несет само по себе справедливости и примирения. Да и как может быть иначе после почти 40 лет войны?

Вопросы задавала Сабине Дёрфлер.

Мирко Гюнтер

Мирко Гюнтер (Mirco Günther) – руководитель Азиатско-Тихоокеанского отдела Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее был представителем Фонда в Афганистане и руководителем регионального офиса Фонда в Сингапуре. В 2014 году участвовал в создании миссии ОБСЕ на востоке Украины, а также работал от имени этой организации в Казахстане и Таджикистане.